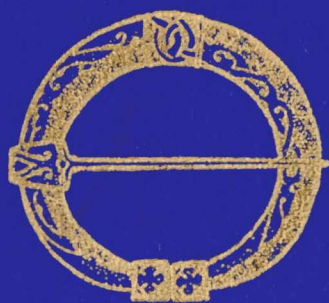


НАРОДЫ и КУЛЬТУРЫ

Прибалтийско- финские народы России



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»

Сборник научных трудов

К. В. МИКЛУХ

С. В. МАКЛАЯ

Сборник научных трудов

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая



МОСКВА
1997

Серия
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»

Основана в 1992 году

Ответственные редакторы серии:

В. А. ТИШКОВ,
С. В. ЧЕШКО



МОСКВА
НАУКА
2003

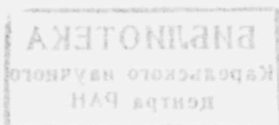
Прибалтийско- финские народы России

Ответственные редакторы:

Е. И. КЛЕМЕНТЬЕВ, Н. В. ШЛЫГИНА



МОСКВА
НАУКА
2003



154844A

УДК 391/395
ББК 65.5(2)
П75

Ответственный секретарь
серии "Народы и культуры"
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:
академик В.В. СЕДОВ,
кандидат исторических наук А.А. КОЖАНОВ

Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003. – 671 с., ил. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-008715-7 (в пер.)

Очередная книга серии "Народы и культуры" посвящена прибалтийско-финским народам России – саамам, карелам, вепсам, российским финнам, води и ижоре. Культура каждого из этих народов рассмотрена с древнейших времен до наших дней, охватывая ее различные аспекты – от традиционных форм хозяйства до народных верований и обрядности. Авторы учли новейшие уточняющие данные археологии и результаты лингвистических исследований. История и культура прибалтийско-финских народов тесно связаны с традиционной культурой русского населения Севера Европейской части России. В работе освещены проблемы сегодняшнего дня, когда ошутимо возрос интерес этих народов к своей культуре, ее возрождению, к современному статусу родных языков.

Для историков, этнографов, лингвистов, широкого круга читателей.

ТП 2000-I-№ 31

ISBN 5-02-008715-7

154846A

© Коллектив авторов, 2003
© Российская академия наук
и издательство "Наука", серия "Народы
и культуры" (разработка, оформление),
1992 (год основания), 2003

БИБЛИОТЕКА
Карельского научного
центра РАН



СААМЫ

ГЛАВА 1

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В настоящее время саамы живут на территории четырех государств: Норвегии (не менее 25 тыс. человек), Швеции (около 17 тыс. человек), Финляндии (5,7 тыс. человек) и России (менее 2 тыс. человек)*. Родным языком саамский считают около 20 тыс. человек (Национальный состав населения РСФСР, 1989. С. 104; *Magga*, 1993. S. 46).

Самоназвание саамов: *samlinč*, *samlä*, *säbme*, *sapmelaš* и др.

Древнейшее упоминание о саамах содержится в трудах римского историка Тацита (I–II вв. н.э.). Он называет их *fenni*, *finni*, *finn*. Византийский хроникер Прокопий Кесарийский (VI в. н.э.) упоминает дикий народ – *skriithifinne*, живущий на земле Thule. Название страны “Лаппия” (и ее жителей – “лаппи”) впервые встречается у Саксона Грамматика (конец XIII в.). Норвежцы и в настоящее время называют саамов “финлап” (*finnlap*), шведы – “лапп” (*lapp*), финны и карелы – “лаппи”, “лаппалайнен” (*lappi*, *lappalainen*). Финские исследователи этимологизируют этот термин различно: Тойво Итконен считает его производным от финского *lare*, *larrea* (сторона), Эркки Итконен – от шведского *lapp* (место). Существуют интересные попытки связать термин “лаппи”, одно из значений которого в финском языке “клин”, с древними межэтническими контактами саамов и води (ср.: SKES. XII–3. S. 977; *Валонен*, 1982. С. 78–79). В старых русских источниках употреблялся термин “лопь”, и русские в прошлом называли саамов лопарями. Термин “лоптарь” вообще широко вошел и в русскую, и в зарубежную этнографическую литературу. В настоящее время в России утвердился этноним, соответствующий самоназванию – саамы (или саами).

Саамы – народ самобытной арктической культуры. Живя с незапамятных времен в суровых природных условиях Севера, они выработали приспособленный к ним тип хозяйства. Правда, он не един для всех групп саамов. Территорию, где живут саамы, можно разделить на четыре естественных ареала: 1) лесные районы северной Швеции и Финляндии; 2) побережье Северного Ледовитого океана; 3) горные районы Норвегии, Швеции и Финляндии и 4) Кольский по-

* Данные о численности саамов статистически колеблются от 36 до 70 тысяч. Это происходит вследствие разного подхода к определению этнической принадлежности: в одних случаях она основывается на происхождении, в Швеции – на наследном праве на оленеводство, в России – на самосознании человека.

луостров. В соответствии с природными условиями этих ареалов сформировались и хозяйственно-культурные типы. "Лесные" саамы в прошлом занимались в основном охотой на дикого северного оленя и пушных зверей, а также лесным оленеводством. Основное занятие норвежских саамов северного побережья – морское рыболовство, горных саамов – преимущественно оленеводство и т. д.*

Российские саамы живут на Кольском полуострове, в Мурманской области.

Для материковой части Мурманской области характерен горный рельеф, наиболее крупные горные безлесные массивы – это Туадаш, Сальная, Волчья, Чуна и Монче тундры высотой до 1000 м над уровнем моря. Их цепь продолжают на Кольском полуострове Хибинские и Ловозерские горные тундры подковообразного очертания, с плоскими вершинами, достигающие в высших точках 1200–1300 м абсолютной высоты. Массивы круто обрываются к окружающим их низинам, в которых лежат крупные озера: Имандра, Умбозеро, Ловозеро.

К северу и югу от центральной гряды, за узкими, изобилующими озерами низменностями тянутся невысокие (400–500 м) горные цепи. Северная цепь, идущая вдоль Мурманского побережья, в восточной части носит название гряды Кейв, а ее южная часть заканчивается близ Кандалакшского залива Белого моря Колвицкими тундрами. Эти массивы обрываются к берегам Баренцева моря (на севере) и Кандалакшской губы (на юге) крутыми склонами, образуя массы узких фиордообразных заливов.

Характер рельефа, близкое залегание водонепроницаемых пород, большое количество осадков и малое испарение вызывают скопление поверхностных вод. В Мурманской области протекает около 21 тыс. рек общей протяженностью свыше 60 тыс. км и насчитывается свыше 100 тыс. озер. Более 20% Мурманской области занято болотами.

На реках и озерах Мурманской области устойчивый ледяной покров держится в течение 150–210 дней в году.

Положение подавляющей части Мурманской области за Полярным кругом и наряду с этим близость теплого течения Гольфстрим определяют уникальность местных климатических условий. Низкое летнее солнцестояние и круглосуточные полярные дни сменяются короткими осенне-зимними полуденными сумерками и затем продолжительными полярными ночами. Число полярных дней колеблется от 17 суток на юге области до 107 на севере. Гольфстрим определяет высокие зимние температуры воздуха, а значительные температурные различия Баренцева моря и материка в летние и зимние месяцы – большую изменчивость температуры при смене направления ветра.

В разных частях области число дней с осадками колеблется от 150 до 245, а годовое количество осадков – от 340 до 640 мм. Преобладающая масса осадков выпадает в виде летних дождей, в среднем от 200 до 320 мм.

Первые заморозки бывают уже в августе, последние – в конце мая–начале июня. Осень обычно ранняя, часто затяжная, дождливая. Продолжительность безморозного периода на побережье превышает 100 суток, во внутренних районах колеблется от 50 до 100 дней. Первый снег выпадает в третьей декаде сентября, а устанавливается снежный покров во второй декаде октября. Колебания между средними ночными и дневными температурами в период незаходящего солнца, а также в период зимних полярных сумерек всего 3–4 градуса. Гололеды и ледяная корка, сильные морозы, метели и туманы не благоприятствуют оленеводству.

* Подробнее об этноэкологических группах зарубежных саамов см.: Линкола, 1982 (примеч. ред.).

По особенностям климата, рельефа и почв в Мурманской области выделяются две геоботанические зоны – тундровая и таежная – и между ними небольшая полоса лесотундры. Зона тундры – это северная окраина Кольского полуострова шириной от 20–30 км на западе и до 120 км в средней части. Леса состоят в основном из ели, сосны и березы; ель преобладает на востоке и севере, а сосна – на западе и юге. По долинам рек растут ивняки, стоят березовые и елово-березовые леса с травянистым покровом почвы.

Особенности климата и ландшафта определяют флору и фауну Мурманской области. Уже в начале апреля, при сплошном снежном покрове прилетают пуночки, гуси, утки, скворцы; во время снеготаяния появляются трясогузки. В период с середины мая до середины июня начинает зеленеть береза, распускаются листья ив, цветет вороника, пушица и другие ранневесенние травы. Олены переходят на свежий зеленый корм. С середины июня наступает время цветения черемухи и ягодников: черники, голубики и многих трав. Начинается нашествие комаров и гнуса. С конца июня – начала июля цветет брусника и зацветает рябина. К этому времени трава и кустарники достигают полного развития. В конце июля–начале августа созревает морошка, а затем голубика и черника. Подходит пора красных грибов. Ко второй половине сентября березы и кустарники полностью желтеют, наступает пора сплошных ночных заморозков.

В Мурманской области обитают 32 вида млекопитающих, из них 8 промысловых. Здесь встречаются медведь, волк, олень, лось, куница, горностай, лиса, белка, заяц, россомаха, выдра, мышь и др.

В области водится до 200 видов птиц. Наиболее распространены различные виды уток, гуси, лебеди, чайки, гагары, куропатки, рябчики, вороны, ястребы и др.

Рыбы внутренних водоемов представлены 29 видами. Нерест большинства пород рыб происходит в ранний осенний, осенний и зимний периоды. Промысловые виды рыб – это семга, кумжа, сиг, хариус, щука, плотва, налим, окунь, ерш. В Баренцевом море обитает около 120 видов рыб, из которых важнейшую промысловую породу представляет треска.

Своеобразный тип хозяйства саамов связан с сезонными перекочевками и уникальной социальной организацией саамов, так называемым *сыййтом*. Важнейшим общественным органом управления у саамов был собор (*собэр*) – собрание старших или глав семьи. В функции собора входил контроль за охотничьими и рыболовными угодьями семей (см. главы 5 и 6 о хозяйственной и социальной организации саамов в настоящем издании).

Цикл кочевания зависел не только от местного ландшафта и времени года, но и от биологических особенностей поведения объектов хозяйствования (олени, рыба, птица, звери). На вопрос писателя М. Пришвина к саамам, почему их называют кочующими, они отвечали: “А вот почему кочующие: ... один живет у камня, другой у ягельного бора, третий – у Железной вараки. Весной лопарь около рек промышляет семгу, придет Ильин день – переселится на озера, в половине сентября – опять к речкам... Около Рождества – в погост, в пырт... Потому кочующие, что лопарь живет по рыбе и по оленю. В жаркое время олень от комара подвигается к океану. Лопарь – за ним. Так уж нам Бог показал, он правит, он создатель” (Пришвин, 1987. С. 229).

Характер традиционного саамского хозяйства предполагал как нечто само собой разумеющееся бережное отношение к природе. Саам никогда не брал рыбы или птицы больше, чем нужно для нужд семьи, птицу или зверя с детенышем не трогал. Хороший урок тому же М. Пришвину преподал саам Василий, сказав ему, когда писатель хотел подстрелить куропатку: “У нее детки, нельзя стрелять, надо пожалеть. Грех!” (Пришвин, 1987. С. 242).

Суровые условия Севера способствовали выработке в характере саамов гуманистических начал, чувства коллективизма, помощи друг другу. Один из первых исследователей саамского языка М.А. Кастрен писал, что саам “тих, мирен, уступчив. Любимое его слово – мир: миром он встречает вас, миром и провожает; мир для него все. Он любит мир, как мать любит вскормленное ею дитя” (цит. по: Кошечкин, 1983. С. 34).

Цикличная система хозяйства просуществовала у саамов в чистом виде до начала XX в. Ликвидация традиционной системы пользования угодьями в 1917 г. и затем коллективизация разрушили эту систему. Значительный урон природе и традиционным видам хозяйственной деятельности саамов нанесло промышленное освоение края, проводившееся к тому же без использования экологически чистых технологий. В статье П. Усачева “Отравленный вдох” приводятся ошеломляющие цифры нарушения экологического равновесия на Кольском полуострове. По этим данным, промышленные предприятия и автотранспорт ежегодно выбрасывают в атмосферу около 800 тыс. т вредных веществ, а комбинаты “Североникель” и “Печенганикель” ежесуточно – около 1500 т. Из 460 млн кубометров промышленных и бытовых стоков 260 млн в год сбрасывается в открытые водоемы без очистки. В ягодах, растущих на территории протяженностью 30–35 км к югу и северу от комбинатов, концентрация никеля превышает предельно допустимую норму в 20 раз (Север. 1992. № 9. С. 88–93).

Саамов, по существу, оторгли от привычной среды обитания. Отрасли, хозяйства, считавшиеся исконно саамскими, подчинены государственному строению и не приносят того дохода саамскому населению, который могли бы. В саамских семьях неуклонно снижается рождаемость (с 1970 г. она сократилась на 30%). Саамки все реже выходят замуж за саамов: за последние 10 лет в Ловозере из 18 браков только один был однонациональным-саамским (Hiltunen, 1990). Многие саамы умирают неестественной смертью: погибают в автомобильных катастрофах, пропадают и замерзают в тундре в состоянии опьянения; уходят из жизни добровольно.

Со времени начала демократизации общества в России у саамов отмечается некоторый подъем национального самосознания и культуры. Воссоздание саамской письменности повысило статус саамского языка. Создана Ассоциация кольских саамов (1989 г.), содействующая социальному и культурному поддержанию самобытной культуры потомственных оленеводов. Успешно развиваются культурные и спортивные связи Ассоциации с зарубежными обществами и организациями саамов. Восстанавливаются народные промыслы.

Но восстановление саамского социума связано тем не менее со значительными трудностями. Для этого необходим поддерживаемый правительством комплекс экономических, социальных и культурных мероприятий.

ЭТНОГЕНЕЗ СААМОВ

Саамский язык имеет значительные совпадения в морфологической структуре и общность объема лексики, а также типологические сходства с финно-угорскими языками. Он наиболее близок к прибалтийско-финским языкам, но в нем есть ряд признаков, отличающих его от остальных языков этой группы. Саамы значительно отличаются от своих ближайших языковых родственников – прибалтийских финнов – и по данным физической антропологии. Особняком в кругу прибалтийско-финских народов стоит и их традиционная материальная и духовная культура. Все это послужило причиной длительных дискуссий о происхождении саамов. Основные теории нашли освещение в статье Ю.Х. Тойвонена “К проблеме протолапарей” (*Toivonen, 1949*). Все они могут быть сведены к двум диаметрально противоположным точкам зрения или гипотезам.

Согласно одной гипотезе саамы первоначально не принадлежали к числу финно-угорских народов. В глубокой древности этот арктический народ соприкасался с самодийскими племенами, позже вошел в контакт с прибалтийско-финскими племенами и воспринял от них язык*. Родоначальника этой теории, шведского ученого К.Б. Виклунда, поддерживали известный норвежский исследователь саамского языка Конрад Ниельсон и ведущий финский языковед Э.Н. Сетяля. Правда, Э. Сетяля считал, что соприкосновение протосаамов и финно-угров происходило еще в эпоху единого финно-угорского праязыка.

По второй гипотезе саамы и финны (в широком смысле) представляли собой в древности единую общность с относительно единым языком. Северные племена этой прафинско-саамской общности уже довольно рано освоили территорию современной Карелии и Финляндии. Примерно в V в. до н.э. связь между северными и южными племенами этого пранарода прервалась. Северные племена ассимилировали абorigенов края, приобретя при этом их антропологические черты. Так сложился собственно саамский народ. Эту теорию с 1950-х годов энергично разрабатывал финский академик Эрки Итконен (*Itkonen E., 1960*).

Проф. М. Корхонен в обстоятельном исследовании “Введение в историю саамского языка” (*Korhonen, 1981*) выдвигает как особую свою теорию контактных заимствований, согласно которой саамы (протосаамы), находясь в тесном контакте с прибалтийскими финнами, заимствовали их язык. По нашему мнению, здесь мы имеем случай смены языка, что соответствует первой теории**.

Многие лингвисты внесли свой вклад, с одной стороны, в поиски и изучение следов протосаамского языка и, с другой – на установление возможной общности саамского языка с самодийскими (Ю. Тойвонен, И. Шебештьен-Немет, П. Аристэ).

Проблемой этногенеза саамов живо интересовались и интересуются ученые различных специальностей – языковеды, археологи, этнографы,

* Известный отечественный финно-угровед Д. Бубрих, рассматривая эту проблему, подчеркивал, что прасамские племена только контактировали с самодийцами, но не состояли с ними в генетическом родстве (не принадлежали к уральской семье языков).

** Краткий обзор литературы, посвященной этим теориям, приводится в нашей статье “Значение саамского языка для финно-угорского языкознания” (*Керт, 1958*).

антропологи (Алексеев В.П., 1969; Симченко 1976; Финно-угры и славяне, 1979; Этногенез народов Севера, 1980; и др.). К настоящему времени уже довольно хорошо изучены язык, антропологический тип и материальная культура саамов, в несколько меньшей мере – их духовная культура. И все же многое остается неизученным, невыясненным. Тем не менее на основе накопленных знаний можно осветить основные моменты предистории и истории саамов.

Лингвистические данные представляются в этом вопросе наиболее существенными. Поэтому интересно сравнить фонетику, грамматику и лексику саамского и других прибалтийско-финских языков, выявить общности и различия между ними и определить, по возможности, происхождение специфических черт, присущих саамскому языку и отличающих его от прибалтийско-финских языков.

Важное фонетическое явление, общее для саамского и прибалтийско-финских языков, представляет чередование ступеней согласных. Не касаясь вопроса о его происхождении, отметим, что в прибалтийско-финских и саамских языках оно осуществляется различно. Если в прибалтийско-финских языках такому чередованию подвергаются только определенные согласные и сочетания согласных, то в саамском языке (за исключением южных диалектов) чередование пронизывает всю структуру языка, охватывает не только одиночные согласные и геминаты, но и сочетания долгих и кратких согласных.

О переходе протосаамов на финно-угорскую речь и об отражении этого явления в фонетике саамского языка Д. Бубрих писал: “Не подлежит сомнению, что лопари стали пользоваться одной из разновидностей финно-угорской речи только несколько тысячелетий назад – в лопарской фонетике отражаются фонетические “перебои”, объясняющиеся переходом финно-угорской речи в новую среду (появление задержки артикуляции согласных при определенных условиях, исчезновение шипящих согласных, сокращение числа гласных и т.д.)” (Бубрих, 1949. С. 192).

Большинство морфологических категорий прибалтийско-финских и саамского языков имеют материальные общности и типологические сходства. Это относится как к категориям существительного, так и глагола. Для прибалтийско-финских языков характерно наличие от 12 до 20 падежей (включая новейшие, возникшие от послеголов); в саамских диалектах имеется от 8 до 10 падежей. В системе глагола, как в прибалтийско-финских, так и в саамском языке, есть одни и те же времена и наклонения. Особенно много общностей в глагольном словообразовании (Керт, Маркианова, 1979).

Вместе с тем в морфологии и синтаксисе саамского языка есть два важных явления, отличающие его от прибалтийско-финских языков. Во-первых, в большинстве диалектов саамского языка, помимо единственного и множественного числа, имеется двойственное число. Оно существует также в обско-угорских и самодийских языках. Правда, Э. Итконен считает, что в прибалтийско-финских языках в прошлом также существовало двойственное число (Итконен Е., 1955). Второе важное отличие саамского языка от прибалтийско-финских – это отсутствие согласования прилагательного и существительного в косвенных падежах (Оно отсутствует также в остальных финно-угорских языках.)

Лексические данные наиболее эффективны при исследовании этногенетических вопросов. Во-первых, базисные слои лексики являются наиболее древними и устойчивыми в языке. Во-вторых, лексика наиболее показательна при исследовании контактов народов.

Тщательное выявление и анализ фонетических соответствий между гласными и согласными саамского и прибалтийско-финских языков в различных слоях

лексики в балтийских и германских заимствованиях и общем прибалтийско-финском фонде и др. дают возможность не только уточнить детали взаимодействия саамского и прибалтийско-финских языков, но и помогают решению кардинального вопроса происхождения саамов (*Wiklund*, 1892; *Äimä*, 1918; *Itkonen T.I.*, 1920; *Itkonen E.*, 1977; *Lehtiranta*, 1989).

Привлечение археологических данных к проблеме этногенеза саамов выдвигает перед исследователями два вопроса – это идентификация саамской археологической культуры и проблема автохтонности саамов.

Среди археологов нет единства в ответах на эти вопросы. Наиболее последовательно поисками саамской археологической культуры на территории России занимался Г.А. Панкрушев. Он придерживается той точки зрения, что протосаамскому населению на территории Карелии (и Финляндии) принадлежали древнейшие археологические памятники – поселения с кварцевым инвентарем. Позже (в середине IV тысячелетия до н.э.) на них появляется керамика типа Сперрингс (*Панкрушев*, 1984. С. 96). Это была эпоха наивысшего расцвета и заката протосаамской самодийской культуры (*Панкрушев*, 1978. С. 91). Возникновение в дальнейшем стоянок с чистым комплексом ямочно-зубчатой керамики, а также значительного числа стоянок со смешанным комплексом керамики (первоначально двух типов: Сперрингс и ямочно-зубчатая, а затем и трех типов: Сперрингс, ямочно-зубчатая и “асбестовая”) он связывает с появлением пришлового протофинского населения и началом процесса ассимиляции ими местного протосаамского населения (*Панкрушев*, 1984. С. 92, 98).

Интерпретация Г.А. Панкрушевым археологического материала укладывается в выдвинутую К. Виклундом и Ю. Тойвоненом теорию о нефинно-угорском происхождении протосаамов и последующей их ассимиляции финно-уграми (точнее, прибалтийскими финнами).

Мнение о принадлежности саамам культуры асбестовой керамики разделяется также отечественными археологами Ю.А. Савватеевым и Н.Н. Гуриной (*Савватеев*, 1983. С. 154; *Гурина*, 1982. С. 116). Также и эстонский археолог Х. Моора считал, что керамика с примесью асбеста, типичная для позднего бронзового века в северной Финляндии, Карелии, а также севера Швеции и Норвегии, принадлежала саамам и имела известные связи с Приуральем. Ввиду того что между этой культурой и соседней южной культурой типа Сарса–Томица нет резкой границы, а наблюдается постепенный переход, Х. Моора полагал, что в переходной зоне “видимо обитало смешанное население, состоящее из саамов и прибалтийско-финских племен” (*Моора*, 1956. С. 91–92).

Несколько иначе трактует археологические материалы финляндский археолог К. Карпелан. Он также полагает, что древнейшее население этого региона связано с мезолитическими культурами и неолитической керамикой типа Сперрингс (VII–III тысячелетия до н.э.), но подчеркивает невозможность его языковой идентификации (*Карпелан*, 1982. С. 40–41). Появление типичной гребенчатой керамики, распространившейся в Карелии, на юге Финляндии и в северной Прибалтике, он интерпретирует, как появление там нового, очевидно, финноязычного населения (3200-е годы до н.э.), которое сливается с аборигенным населением, причем последнее переходит на прибалтийско-финский язык. Именно к этому времени Карпелан относит разделение на протоприбалтийско-финскую и прасаамскую общности. Что же касается асбестовой керамики, то он связывает ее распространение с волной влияний из древних прасаамских районов (*Карпелан*, 1982. С. 43–45; *Carpelan*, 1984. S. 106).

Иной точки зрения на происхождение саамов как в локальном и временном отношении, так и в смысле преемственности культур придерживается отечест-

венный археолог В.Я. Шумкин. Он полагает, что представление о былом широком расселении саамов (или протосаамов) и их активном участии в этногенезе других народов не соответствует действительности и что археологические данные достаточно определенно свидетельствуют, что саамское население никогда не выходило за пределы Фенноскандии (Шумкин, 1990. С. 127).

Петрозаводский археолог, М.Г. Косменко, полагает, что раннесаамский этнос следует связывать с культурой лууконсаари южной Карелии и Финляндии и северной керамикой “арктического” типа (Косменко М., 1993. С. 201).

Таким образом, среди археологов нет единого мнения ни о соотношении ранних археологических культур с протосаамским населением, ни о самом процессе формирования саамского этноса.

Археология может установить хронологию пластов культур, но во многих случаях это не дает убедительных оснований для определения языковой принадлежности населения, создавшего эту культуру. Поэтому основным приемом для определения этнической принадлежности носителей археологической культуры служит сопряжение лингвистических фактов с данными археологии. Так, на основе балтийских заимствований в прибалтийско-финских и саамских языках вполне убедительно установлено, что языковые контакты прибалтийских финнов и саамов прекратились в V в. н.э.

Рассматривая проблемы этногенеза саамов, нельзя обойти и тех данных, которыми располагает антропология. По своему антропологическому типу саамы существенно отличаются от других народов прибалтийско-финской языковой группы. Этот тип принято называть именно лапоноидным (Марк, 1982. С. 132). Исследования групп крови современных саамов, проведенные в 1960–1970 гг. финляндским исследователем А.-В. Эрикссоном, привели его к выводу, что предки саамов имели во многом уникальную генетическую характеристику, что прослеживается и в наши дни (Eriksson, 1974)*. Особое положение саамов среди прибалтийско-финских народов подтверждают и данные дерматоглифики. Основываясь на обширном материале (в частности, и по саамам Финляндии) отечественный специалист Г. Хить констатирует, что весь комплекс дерматоглифических данных сближает саамов с монголоидным населением Сибири и резко отличает их от окружающих народов – шведов, финнов, карел, вепсов, коми и русских (Хить, 1982. С. 163). Ряд существенных уточнений в антропологию саамов внесены авторами сборника “Финно-язычные народы Северо-Западной России по данным физической антропологии”, вышедшем в 1991 г. (подробнее см. соответствующий раздел настоящего издания).

Анализ данных всех приведенных дисциплин позволяет нам считать, что, во-первых, протосаамы до встречи с прибалтийско-финскими племенами не принадлежали к народам финно-угорской языковой семьи и, во-вторых, не были автохтонами Фенно-скандинавского массива. Одним из важных доказательств этого служит субстратная лексика саамского языка, не имеющая соответствий в лексике финно-угорских языков. Эта лексика, по мнению Т.И. Итконена, составляет до одной трети словарного запаса саамского языка (Itkonen T.I., 1948. I. S.165–168). Она отражает при этом жизненно важные для саамов понятия окружающего ландшафта, флоры, фауны и т.д., а также другие базисные понятия: названия частей тела человека, терминологию, связанную с хозяйственной деятельностью, и др. Например: *kut't'k* – сердце, *nirr* – щека, *čad'z'* – вода, *vuntas* – песок, *poav'n* – кочка на болоте, *k'ed'd'k* – камень, *abbr'* – дождь,

* Данными по кольским саамам А.-В. Эрикссон не располагал.

piŋŋk – ветер, *ket't'k'* – росомаха, *nigkeš* – щука, *murr* – дерево, *cigk* – туман, *mun* – мороз, *pin'ne* – пасти, присматривать, *čujke* – ходить на лыжах, *puaz* – олень, *koan'n't* – дикий олень, *luhpel'* – годовалый олень, *sejld* – божество, *kipp'te* – варить, *kuras* – пустой, порожний, *modžes* – красивый, *n'učke* – прыгать, *čacke* – бросать, *tullte* – кипеть, *kuarkte* – хватать, *lujx'ke* – плакать, *nisse* – целоваться, *madt* – беда, *tommte* – узнавать, *aps* – запах и др.* Абсолютное большинство субстратных слов имеют соответствия во всех диалектах саамского языка (Lehtiranta, 1989).

Субстратный слой лексики в саамском языке отчетливо свидетельствует о его большей древности и связях с исконными занятиями саамов (собирательство, охота, рыбная ловля, оленеводство).

Касаясь лексических параллелей саамской субстратной лексики в других иносистемных языках, отметим, что пристального внимания заслуживают приведенные эстонским лингвистом Э. Эрнитсом также аналогии в лексике тунгусо-маньчжурских языков (Эрнитс, 1977. С. 20–24). Даже если не все приведенные им примеры вполне надежны, сам факт их наличия нельзя объяснить случайными звуковоспадениями.

Несколько по-иному следует рассматривать саамско-самодийскую лексику, выявленную Ю. Тойвоненом. Вряд ли можно отнести этот пласт лексики к субстратной. Скорее всего общности в лексике саамского и самодийского языков возникли в результате существовавших с глубокой древности контактов самодийцев и протосаамов.

При анализе сведений о прошлом саамского этноса, в частности – о территории его расселения, следует учитывать данные топонимии. Они свидетельствуют о том, что протосаамы жили южнее и восточнее теперешнего их ареала. Т.И. Итконен убедительно показал наличие саамского пласта топонимов на всей территории Финляндии (Itkonen T.I., 1948. I. S. 99). Широко представлены топонимы саамского происхождения и на территории Карелии (Керт, 1960. С. 86–92). По подсчетам В. Лескинена, на территории Карелии имеется около 800 гидрообъектов с названиями из саамского языка (Лескинен, 1967. С. 86). При исследовании бассейна реки Оять И.И. Муллонен выявила около 70 гидрообъектов с наименованиями саамского происхождения (Муллонен И.И., 1985. С. 192).

Предложенная еще в XIX в. А.И. Шегреном и М.А. Кастреном гипотеза о расселении в прошлом саамов в бассейне Северной Двины подтверждена работами М. Фасмера и А.И. Попова. Законченную аргументацию на широком фактическом материале эта идея получила в работах А.К. Матвеева. По его данным, слой саамской топонимии распространен на широких просторах бассейнов рек Водлы, Онеги, Северной Двины, Мезени. Важно отметить, что многие топонимы этимологизируются средствами саамской субстратной лексики (Матвеев, 1964; и др.). Реликты саамской топонимии обнаружены также на территории Коми Республики (Туркин, 1985. С. 54–67) и Волго-Двинского междуречья (Востриков, 1979).

Исследователи саамской топонимики подчеркивали ее субстратный характер по отношению к прибалтийско-финским языкам (Itkonen T.I., 1948. I; Муллонен И.И., 1985. С. 191; Матвеев, 1964. С. 83). Подтверждая мысль об активном освоении прибалтийско-финскими народами саамской территории от границ Республики Коми до Скандинавии, А.К. Матвеев опирается на дифферен-

* Здесь и далее кильдинский диалект.

цирующие признаки, выдвинутые еще К.Б. Виклундом, которые отличают саамскую топонимию от прибалтийско-финской. По его утверждению, в русской топонимии Севера четко различаются саамский пласт с основой *шув-* (соответствует саамскому слову “осина” – *šuvp*) и прибалтийско-финский *хав-*, *габ-* (ср. фин. – *haapa* – осина). То, что саамская топонимия представляет по отношению к прибалтийско-финской субстратный слой, позволяет говорить о саамах, как этносе, который занимал еще до прихода прибалтийских финнов обширные территории.

Следует отметить, что топонимия на громадных пространствах Европейского Севера России почти не собрана, а следовательно, и не исследована. Устранение этих “белых пятен”, интерпретация материалов, несомненно, дадут возможность установить ареал саамских элементов в топонимии с большей достоверностью.

Исследования отечественного этнографа А.П. Косменко подтвердили, что искусство саамов значительно ближе к искусству сибирских народов, особенно их западного ареала, чем окружающих европейских соседей (Косменко А., 1993). В пользу гипотезы о восточном происхождении саамов говорят также результаты анализа традиционных форм саамского орнамента. О том, что искусство саамов представляет собой в Европе периферийную зону искусства арктического или субарктического типа, писали уже и норвежские ученые Э. Воррен и Э. Манкер, а также Б.А. Рыбаков.

Таким образом, можно считать, что протосаамы, древние племена арктической культуры охотников и рыболовов, в эпоху мезолита – начала неолита постепенно продвигались с востока на территорию Фенноскандии. Примерно 1500–2000 лет до н.э. их накрыла мощная волна финноязычных народов, двигавшаяся, предположительно, от Урала и с верхнего течения Волги. Совместно с прибалтийскими финнами саамы образовали в те времена так называемую прибалтийско-финско-саамскую общность. Разделение этой общности на прибалтийско-финскую и саамскую произошло примерно к началу I тысячелетия до н.э., после чего протосаамы сформировались как собственно саамы.

Территорию соприкосновения протосаамов с прибалтийско-финскими племенами, т.е. прародину современных саамов, ученые определяют неоднозначно. К. Виклунд и Э. Итконен считали, что она лежала на запад от Онежского озера. П. Равила включает в нее и окрестности Белого моря. По мнению М. Корхонена и К. Карпелана, ее следует искать в окрестностях Ладожского озера и на север от него. Напомним, что эта территория входит также в ареал асбестовой керамики (Валонен, 1982. С. 93).

Проблема происхождения саамов важна не только в плане их этногенеза, но и в связи с изучением происхождения других народов Севера и Сибири. Дискуссия о происхождении саамов не затухает.

СААМСКИЙ ЯЗЫК

Как уже отмечено, саамский язык – это отдельная ветвь финно-угорских языков, которые вместе с самодийскими составляют уральскую семью языков. Саамский язык распадается на несколько диалектальных групп, сильно отличающихся друг от друга. Это в значительной мере обусловлено историей саамского этноса и, в частности, процессами колонизации древних саамских земель в ходе последних 6–7 столетий другими народами Фенноскандии и России (Magga, 1993. S. 46).

Некоторые исследователи склонны даже считать диалектные группы саамских языков отдельными языками, исходя из того, что они не менее отличаются друг от друга, чем другие прибалтийско-финские языки между собой (Magga, 1993. S. 46). Но нельзя не учитывать и того, что некоторые саамские диалекты не имеют резко разделяющих их границ и многие их диалектные признаки плавно переходят от одного диалекта к другому, образуя “диалектный континуум”. Определенное обособление диалектных групп произошло, видимо, также в ходе времени вследствие жизни саамов в рамках четырех государств, когда в каждом из них создавалась своя саамская письменность, влиявшая на разговорный язык.

В настоящее время саамский язык подразделяется на 10 диалектных групп (карта 3) и диалектов, а также ряд более мелких языковых единиц – говоров.

1. Южносаамские диалекты – Емтланда (Jemtland) и Оселе (Åsele) в Швеции и Норвегии.

2. Диалекты уме (*Ume*) в Вестерботнии (Швеция) и Нордланде (Норвегия).

3. Диалекты пите (*Pite*) в Норботнии (Швеция) и Нордланде (Норвегия).

4. Диалекты луле (*Lule*) в Норботнии (Швеция) и Нордланде (Норвегия).

5. Северносаамские диалекты: *a* – торниоский (Tornio) в Норботнии (Швеция), Нордланде и Тромсё (Норвегия); *b* – диалект руйя (*Ruija*) в Норвегии и Финляндии; *v* – приморский диалект (Норвегия).

6. Инарский (*Inari*) диалект в Финляндии.

7. Колттские диалекты: *a* – нятямё (Näätämö) в Финмаркене (Норвегия); *b* – диалект патсйоки (Patsjoki) и суоникюля (Suonikylä) (Финляндия); *v* – нотозерский на северо-западе Кольского полуострова (Россия).

8. Бабинский диалект (*Akkala*) в окрестностях оз. Имандра на Кольском полуострове (Россия).

9. Кильдинский диалект в центральной части Кольского полуострова (Россия).

10. Иокангский диалект (*ter, turja*) на восточной оконечности Кольского полуострова (Россия).

Фонетически и морфологически различия наиболее велики между западными и восточными группами саамов. К западным принадлежат 1–5 названные группы, к восточным – 6–10.

Некоторые западноевропейские ученые выделяют центральную группу (от диалекта пите на восток до инарского диалекта) (ср.: Линкола, 1982. С. 49; Kulonen, 1994. S. 97).

Степень сохранности и статус различных диалектов неоднородны: так, почти исчез диалект уме; оба южных диалекта и диалект пите не имеют письменности. Диалекты луле и северный (финмаркский) относительно устойчиво со-

храняются, при этом имеют свою письменность; письменным является и инарский диалект, в последнее время разработана письменность и для финляндских колттов.

Саамскому языку посвящена огромная литература, его изучением занимались и занимаются в наше время специалисты разных стран, как тех, где есть саамское население – т.е. Норвегии, Швеции, Финляндии и России, так и лингвисты-финно-угроведы других стран – Венгрии, Эстонии, Германии и др.

В изучении восточных диалектов саамского языка “отправной точкой” считается список слов на иокангском диалекте, составленный английским путешественником, капитаном Барроу (Barrough), во время вынужденной остановки его судна у мыса Святой Нос (май 1557 г.). Саамские слова записаны им по правилам английского гражданского письма. Впервые список был опубликован в Лондоне в 1589 г. В 1895 г. этот список из 95 слов и словосочетаний был опубликован вторично в журнале Финно-угорского общества Д. Аберкромби. Он несколько усовершенствовал транскрипцию и провел соответствующие эквиваленты из “Словаря саамов Кольского полуострова” Арвида Генетца (*Genetz*, 1891).

Стоит отметить, что в конце XIX в. появилось несколько книг, преимущественно духовного содержания, на диалектах саамов Кольского полуострова. В 1878 г. Общество распространения Библии в Великобритании и других странах издало в Хельсинки Евангелие от Матфея в переводе на кильдинский диалект саамского языка (Махътвеест пась-евангели); текст Евангелия был записан русскими буквами. В 1884 г. в г. Архангельске появился перевод Евангелия от Матфея русского священника Щеколдина (Господа мій Иисуса Христа Пась Евангелие Матвеестъ). В 1885 г. в Архангельске была издана также подготовленная им “Азбука для лопарей” на нотозерском диалекте*.

Научное изучение языка саамов Кольского полуострова тесно связано с именем уже упомянутого финского ученого Арвида Генетца. В 1879 г. он опубликовал в венгерском журнале *Nyelvtudománji Közlemények* (№ 15) свой перевод Евангелия от Матфея на саамский язык, а также образцы текстов трех саамских диалектов Кольского полуострова. В 1883 г. венгерским ученым И. Халасом в этом же журнале (№ 17) напечатан “Очерк грамматики русских лопарей” (1883 г.). Этот очерк, написанный по материалам А. Генетца, по существу, был первым подробным научным описанием кильдинского диалекта саамского языка. В 1891 г. в Хельсинки вышел в свет уже упомянутый первый словарь кольских диалектов саамского языка А. Генетца с приложением саамских текстов с переводом на немецкий язык.

В 1916 г. появилась монография Т.И. Итконена, посвященная проблеме чередования ступеней согласных в языке саамов России (*Itkonen T.I.*, 1916). В 1939 г. вышла монография Э. Итконена, анализирующая вопросы восточно-саамского вокализма, в 1946 г. им же опубликовано исследование по структуре и развитию восточносаамской квантитативной системы (*Itkonen E.*, 1946).

В России изучение саамского языка началось в середине 1920-х годов, с организацией Северного факультета при Восточном институте Ленинградского университета. Эта работа шла в общем русле создания и развития письменности для малочисленных народов Крайнего Севера. Углубленный и организованный характер эта работа приобрела в 1930 г., после того как Северный факультет был реорганизован в самостоятельный Институт народов Севера ЦИК СССР

* Интересно, что первая саамская азбука появилась очень рано – она была опубликована Нилсом в Швеции в 1619 г.

(ИНС) с научно-исследовательской ассоциацией при нем. Подготовка саамского букваря и другой учебной литературы, а также книг для чтения велась сотрудниками ИНС и студентами саамского отделения. В июле 1932 г. бригада института под руководством З. Чернякова выехала в район Нотозера для работы над букварем на месте. В 1933 г. "Букварь" ("Saam bukvar") З. Чернякова и А. Герасимова вышел в свет. Алфавит на латинской основе состоял из 37 букв. В 1934 г. резко увеличился выпуск учебной литературы на саамском языке для начальных классов. Вышли учебники для школ и детская литература на саамском языке в переводе А. Эндюковского (Керт, 1967). С 1937 г. саамская письменность, как и письменность других языков народов Севера, переводится на русский алфавит. В этом же году был издан новый букварь А. Эндюковского с обстоятельной статьей о саамском языке.

Исследованием диалектов саамского языка в теоретическом плане в предвоенные годы занимался А. Емельянов, но рукопись его фундаментальной грамматики языка саамов Кольского полуострова пропала во время войны в блокадном Ленинграде.

После Отечественной войны изучение саамского языка возобновилось в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Начиная с 1954 г. под руководством Г. Керта был проведен ряд экспедиций по сбору фольклорного, этнографического, а также топонимического материалов саамов Кольского полуострова. Г. Кертом был опубликован ряд статей по вопросам фонетики, морфологии, лексики, а также топонимики саамского языка, "Образцы саамской речи" (Керт, 1961) и монография "Саамский язык" (Керт, 1971a).

Вышли в свет статьи В. Гудковой-Сенкевич, посвященные языку и фольклору саамов. П.М. Зайков опубликовал исследование по бабинскому диалекту саамского языка (Зайков, 1987). Исследованием языка иокангских саамов в наши дни занимается С. Терешкин.

В 1980-е годы была начата работа по воссозданию саамской письменности на основе кильдинского диалекта. В 1982 г. вышел "Букварь для подготовительного класса саамской школы" А. Антоновой (1982 г.). В 1985 г. в Москве был издан под редакцией Р. Куруч "Саамско-русский словарь"; его подготовил коллектив сотрудников из саамской интеллигенции. В 1986 г. был опубликован "Словарь саамско-русский и русско-саамский" Г. Керта. В Мурманском Секторе лингвистических проблем финно-угорских народностей Крайнего Севера (при Институте языкознания АН СССР) были подготовлены книги для чтения для 2-го класса и методическое руководство по обучению саамскому языку в начальной школе для 1-го и 2-го классов. В 1991 г. в Мурманске вышел в свет "Саамско-русский словарь" для начальных школ (составители Р. Куруч, И. Виноградова и Р. Яковлева). Интересный опыт сравнительно-сопоставительного словаря саамских диалектов предприняли П. Саммаллахти и А. Хворостухина (Sammallahti, Хворостухина, 1991). Помимо лексических параллелей, в публикации приводятся парадигмы имен и глаголов, а также фонетические соответствия.

На некоторых наиболее существенных чертах саамских диалектов – их грамматическом строе, фонетике, лексике необходимо остановиться хотя бы вкратце.

Фонетика. Из особенностей гласных саамского языка следует отметить фонологическое различие некоторых гласных на краткие и долгие. Главное ударение приходится всегда на первый слог и затем второстепенные ударения падают на все нечетные слоги, кроме последнего.

Фонетический состав согласных саамского языка представляет за немногими исключениями стройную систему. Согласные фонемы располагаются по рядам, в которых они противоплагаются по следующим признакам: 1) краткость – долгота – это фонологическое противоположение проходит через всю систему согласных за исключением звонких переднеязычных *з, зь, ж, жь*; 2) твердость – мягкость – это противоположение, как правило, проходит через весь состав согласных; исключения составляют переднеязычные смычные согласные, которые имеют три ряда: твердые – *т, д, н*, мягкие – *ть, дь, нь* и полумягкие – *тѣ, дѣ, нѣ*; 3) глухость – звонкость – это противоположение выдержано только в смычных согласных, кратких аффрикатах, губных щелевых и кратких переднеязычных щелевых.

Особенность фонетики саамского языка представляет наличие в качестве самостоятельных фонем глухих *л, м, џ, р* (как кратких и долгих, так и твердых и мягких), заднеязычного смычного *н* и звонких аффрикат *дж, дз*.

Всю структуру саамского языка пронизывает чередование согласных. Чередования могут быть количественными и качественными. К количественным чередованиям относятся чередования геминат с краткими согласными, например: *шабп* – ‘сиг’ ~ *шаб* – ‘сиги’; *нэм* – ‘имя’ ~ *нэм* – ‘имена’; *чоннэ* – ‘вертеться’ ~ *чона* – ‘верчусь’ и т.д., а также чередования сочетаний долгих и кратких с соответствующими сочетаниями кратких и долгих согласных, например: *поттк* – ‘тоня’ ~ *потткк* – ‘тони’; *торрк* – ‘шуба’ ~ *торркк* – ‘шубы’; *террпэ* – ‘рубить’ ~ *терпта* – ‘я рублю’ и т.д.

К качественным относятся чередования: 1) долгих глухих щелевых *сс, шш* с краткими звонкими: *кусс* – ‘ель’ ~ *куз* – ‘ели’, *поашиэ* – ‘подметать’ ~ *поажэ* – ‘подметаю’, 2) звонких аффрикат *дз, дж* с краткими звонкими щелевыми *з, ж*: *вэдз* – ‘снег’ ~ *вэз* – ‘снега’; *ваджь* – ‘важенка (самка оленя)’ ~ *важь* – ‘важенки’, 3) сочетаний фарингального *х* с глухим смычным или аффрикатой: *вухп* – ‘свекор’ ~ *вуп* – ‘свекры’, *мухцэ* – ‘мучить’ ~ *муца* – ‘мучаю’ и т.д.

Грамматика. В грамматической структуре саамского языка имеются те же части речи, что и в других языках. В языке наличествуют послелого, которые выполняют ту же функцию, которую в других языках обычно несут предлоги и падежи. Специфика грамматических категорий частей речи проявляется в системе парадигматических моделей каждой части речи, особенно в именной и глагольной.

В саамском языке отсутствует категория грамматического рода. В его западных диалектах существительные наряду с единственным и множественным имеют еще и двойственное число. В восточных диалектах двойственное число выявляется в виде реликта – специфического окончания 2-го лица множественного числа. В различных диалектах саамского языка насчитывается от восьми до десяти падежей. Саамскому языку присуща категория притяжательности, это выражается в притяжательных суффиксах 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа. Притяжательные суффиксы образуют особый вид притяжательного склонения. Категория прилагательного в саамском языке развита значительно слабее. Это проявляется в том, что атрибутивные отношения в саамском языке в большей степени выражаются именем существительным в именных конструкциях типа: *коаннѣткэннц* – ‘олень копыто’ (букв. олень – копыто), *карнэсьнюннѣ* – ‘вороний нос’ (букв. ворон – нос) и т.д. В саамском языке представлены некоторые разделы числительных и местоимений.

Глаголы имеют 4 времени: презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект; четыре наклонения: изъявительное, сослагательное, условное, повелительное. В восточных диалектах есть особый аналитический способ выражения сослагательности.

Саамский глагол в своей лексической форме не имеет значения законченности и незаконченности действия (совершенного и несовершенного видов). Однако словообразовательные суффиксы глагола могут передавать тончайшие оттенки протекания действия как в количественном, так и в качественном отношении. Более того, эти суффиксы могут выражать и другие значения: видовой и залоговой направленности, модальности, начинательности и др. В производных саамских глаголах существует строгая иерархия последовательности, включения словообразовательных суффиксов, начиная от корня. Для саамского языка характерен жесткий порядок слов.

Лексика. Лексика является тем разделом языка, в котором отражаются социально-экономические особенности этноса, его история и среда обитания. Особенно ярко отражены в лексике традиционные занятия саамов. Так, охота на дикого оленя и домашнее оленеводство привели к развитию терминологии в названиях оленей в зависимости от пола и возраста. При наличии общего понятия *пуаз* – ‘олень’ существует множество специальных терминов: *коаннѳт* – это ‘дикий олень’, или ‘оставленный без присмотра’; *вуссь* – просто ‘тенок оленя’, а *лухпель* – ‘годовалый теленок оленя’, *чирмах* – ‘оленок возраста с осени до весны следующего года’, *лонтак* – ‘двухлетний олень-самец’, *вубресь* – ‘трехлетний олень-самец’, *шелмахт* – ‘четырёхлетний олень-самец’, *пыэрсемшалмахт* – ‘олень-самец на пятом году’, *еррьк* – ‘кастрированный олень от шести лет и старше’, *контасс* – ‘олень-самец четырех лет’, *аллт* – ‘полновозрастная важенка (самка оленя), способная приносить потомство’, *ваджь* – ‘важенка трех-шести лет, отелившаяся один раз’, *вуньял* – ‘вонделка, важенка трех лет’ и др. Ландшафт характеризуется очень детально и тонко, например горы: *паххк* – ‘гора’, *террьм* – ‘пригорок’, *вырр* – ‘круча’, *луехк* – ‘горка’, *уррьд* – ‘скалистая гора’, *куодзь* – ‘широкая низкая гора’, *кайса* – ‘высокая, часто ребристая, с конусообразной вершиной безлесная гора’, *вуайв* – ‘гора, вершина (большей частью голая)’, *паххьт* – ‘обрыв, горная стена’ и др. Детальна терминология рыболовства (различные типы рыболовных устройств и их частей), построек и частей чума, упряжи. Имеется много названий различных видов и состояний снега.

В саамском языке можно выделить омонимы, синонимы, антонимы. Большинство омонимов появилось в результате совпадения звучаний коренных и заимствованных слов. Так, слово *туррьп* – ‘морда’ – это коренное саамское слово, а *туррьп* – ‘труба’ – заимствование из русского языка (ср. рус. ‘труба’). В процессе развития языка в результате метафоры, метонимии значения отдельных слов расширяются и появляются многозначные слова, например *вугкесь* означает: 1) лохматый, 2) мохнатый, 3) частый, 4) густой, 5) дешевый; или глагол *пынне* – это: 1) охранять, 2) беречь (хранить), 3) спасать, 4) нести, 5) стеречь, 6) ухаживать, 7) защищать. В саамском языке существуют синонимы – слова, близкие по значению, но различные по звучанию, например: *тахттэ* – ‘желать’ и *туввэ* – ‘желать’; *сыннь* – ‘жадный, скупой’ и *куххпесь* – ‘жадный’; *луэппьтэ* – ‘кончать’ и *киркхэ, пудхэ* – ‘кончить’. Антонимы (слова, обозначающие противоположные понятия), как правило, есть у слов, которые в своем значении содержат качественный или количественный признак: *шигктэнне* – ‘хорошо’ – *нюэзельт* – ‘плохо’, *ваптэк* – ‘богатый’ – *вайваши* – ‘бедный’, *шурьне* – ‘увеличивать’ – *уцьне* – ‘уменьшать’, *алльт* – ‘близко’ – *куххькень* – ‘далеко’ и др.

Особый класс лексики составляют онимы – собственные имена. К таким словам и словосочетаниям относятся географические названия – топонимы, собственные имена людей – антропонимы, клички животных и др.

Топонимы по своей структуре одно-, двух-, трех- и четырехкомпонентны. Они подвергаются как определительные, так и аналитические конструкции. Суффиксация на топонимическом уровне развита слабо. В образовании топонимов участвует особый класс нарицательной лексики. Как реликт, в качестве субстрата карельских, финских, вепсских и русских названий саамская топонимия распространена в России на территории Карелии, Мурманской, Ленинградской, Вологодской, Архангельской областей.

Саамский антропонимикон исторически состоит из двух пластов: древних исконных саамских имен, восходящих к нарицательным именам (на Кольском полуострове почти не сохранились), и заимствованных имен (скандинавских, карельско-финских, русских). На неофициальном уровне у саамов Кольского полуострова существует трех- и четырехименная конструкция имени: это имя прадеда + имя деда + имя отца + имя называемого. На официальном уровне существует принятая в русском языке модель: имя, отчество, фамилия.

Своеобразие и национальную самобытность придает саамскому языку фразеология. Примеры фразеологических словосочетаний: *туллтэ эннэ лименъ* – ‘прошел огонь, воду и медные трубы (букв. “сварен во многих супах”)', *егккушшкенъ мэнь еллемналль* – ‘бурно прошла жизнь (букв. “жизнь прошла, как вода через порог”)'.

Межъязыковые связи. Языки, как и народы, существуют не изолированно друг от друга, а развиваются в контактах, что ведет к их взаимопроникновению на различных уровнях. Наиболее легко заимствуется лексика. При длительных контактах могут заимствоваться также фонетика, грамматика.

До трети словарного запаса саамского языка не имеет соответствий в уральских языках. Этот субстратный слой лексики свидетельствует о нефинно-угорских элементах, участвовавших в этногенезе саамов. Нельзя считать случайным и лексические совпадения в саамском и тунгусо-маньчжурских языках. И наконец, в саамском языке хорошо прослеживаются финно-угорский и прибалтийско-финский слой лексики.

В древности протосаамы, по всей видимости, контактировали с древними угро-самодийцами. Об этом говорит тот факт, что в саамском и угро-самодийских языках найдено свыше 60 общих слов, не имеющих соответствий в других финно-угорских языках (*Toivonen, 1949; Itkonen E., 1950a*).

Древние прибалтийские финны и саамы взаимодействовали с древними балтами (летто-литовскими племенами). В результате этого в прибалтийско-финских языках отложилось свыше 100 заимствований из балтских языков. К ним относились слова из области земледелия, животноводства, одежды, пищи, религии и др. В диалектах саамского языка свыше 20 балтских заимствований. Среди них саамские *сулльн* ‘изморозь’ (ср. фин. *halla* – ‘заморозки’), *чуэнь* – ‘гусь’ (ср. фин. *hanhi*), *лусс* – ‘семга’ (ср. фин. *lohi*), *луввьт* – ‘доска’ (ср. фин. *lauta*) и др. Древняя летто-литовская речь, очевидно, оказала влияние также на фонетику, морфологию, синтаксис прибалтийско-финских и саамского языков. Д.В. Бубрих утверждал, что такие нефинно-угорские явления в прибалтийско-финских и саамском языках, как различение долгих и кратких согласных или согласование определения с определяемым (в саамском языке согласование проявляется только в западных диалектах), появились не без влияния балтийских языков (*Бубрих, 1947. С. 12*).

Еще до распада прибалтийско-финской общности в прибалтийско-финские языки и в саамский язык начали проникать и германские заимствования. По подсчетам ученых, в различных диалектах саамского языка насчитывается до 3000 таких заимствований. В диалектах саамского языка Кольского полуостро-

ва к настоящему времени отмечено свыше 100 германских заимствований. Эти заимствования проникали в кольско-саамские диалекты вначале через прибалтийско-финские языки, а позже – благодаря непосредственным контактам. К таким заимствованиям относятся в первую очередь слова из области торговли и мореходства, а также связанные с распространением металлов: например, *лайй* – ‘свинец’, *сыллп* – ‘серебро’, *коаль* – ‘золото’, *наввк* – ‘морское судно’, *аввн* – ‘уключина’, *лаввкэ* – ‘мыть, купать’, *маррьк* – ‘рубль’, *лаййн* – ‘долг’, *нуррь* – ‘веревка’ и др. Германское влияние отразилось не только на лексике, но и на фонетике и синтаксисе прибалтийско-финских и саамского языков. Сложилось также устойчивое мнение, что перфект и плюсквамперфект в этих языках – результат воздействия германских языков (Керт, 1971б).

В процессе взаимодействия с русскими саамы Кольского полуострова приняли от них большое количество слов, отражающих различные стороны хозяйственной и общественной жизни. Языковые контакты саамов и русских длительное время осуществлялись в форме устного общения. Существенную роль в усилении русского влияния сыграла христианская церковь (Керт, 1994).

Наиболее ранние лексические заимствования из русского языка освоены полностью по законам саамской фонетики: это не только адаптация русских слов к нормам саамской фонетики, но и включение их в фонологические чередования, свойственные саамскому языку. Можно привести примеры чередований согласных в заимствованных русских словах: *пудт* – ‘пуд’ и *пуд* – ‘пуды’, *латтьк* – ‘миска’ и *латък* – ‘миски’, *коссэ* – ‘косить, жать’ и *кбза* – ‘кошу’, *туэль* – ‘стол’ и *туэль* – ‘столы’, *куррэ* – ‘курить’ и *кура* – ‘кюрю’ и т.д.

Заимствования из русского языка происходили в основном на уровне диалектной речи. Об этом свидетельствуют слова, находящиеся на периферии русского литературного языка, или диалектные: например, *суле* – ‘бутылка’ (ср. рус. сулея – ‘бутылка, штоф’), *бухмарнэ* – ‘пасмурный’ (ср. рус. бухмарный – ‘пасмурный, мрачный, облачный’), *домвэй* – ‘надгробье’ (ср. рус. домовина – ‘гроб’), *сулемь* – ‘ядовитый’ (ср. рус. сулема – ‘ядовитый белый порошок’), *коадтэ* – ‘брюки’ (ср. рус. диалектн. гачи – ‘штаны’), *зоабель* – ‘правда, конечно’ (ср. диалект. *взобьль* – ‘в самом деле, точно, вправду’), *алаш* – ‘металлический лист или плоский камень, на котором разводится огонь в зимней куваксе’ (ср. диалект. *алажэ*, *алашь*, *алашка* – ‘очаг для варки, шесток на лодках’) и т.д.

В советское время лексика саамского языка значительно обогатилась словами, отражающими политические и социально-экономические реалии времени: билет, буква, газета, герб, глагол, депутат, закон, совет, флаг и др.

В фонетике саамский язык воспринял от русского языка противопоставление мягких и твердых согласных (кильдинский диалект), в то время как в западных диалектах противопоставления мягких и твердых согласных как самостоятельных фонем не наблюдается.

Морфология языка наименее проницаема для иносистемных влияний. Падежная система имени, показатели лица, числа, склонения в глаголе – это грамматические категории, наиболее трудно поддающиеся заимствованиям. Процесс заимствования легче всего проходит как бы на периферии морфологической системы. Причем на первоначальном этапе могут сосуществовать грамматические категории разносистемных языков. Так, при выражении сослагательности в саамском языке наряду с исконным агглютинативным саамским суффиксом *-ч-* употребляется частица русского происхождения *не*, *на* – аналог русской частицы “бы”. При образовании превосходной степени наряду с исконным саамским суффиксом *-мус-* пользуются русским словом “самый”.

Для речи молодого поколения характерно большое число калек с русского языка, особенно во фразеологических оборотах. Кроме того, речь буквально пестрит русскими вводными словами, наречиями и другими малозначащими словами типа: “ну вот”, “уже”, “тоже”, “вот это”, “начит (значит)”, “больше” и др. Употребляются русские словосочетания, например: ‘вот допустим’, ‘любой мороз’ и др. Они вводятся в речь не из-за отсутствия саамских эквивалентов, а в силу того, что молодые не всегда сразу находят нужное саамское слово.

Синтаксис сложных предложений саамского языка сформировался в основном под влиянием русского синтаксиса. Сложные предложения образуются из простых с помощью союзов русских “и”, “но”, “а”, “што”, “а то”, “если, то”, “потому што” и др.

В советское время на Кольском полуострове исчезли территории компактных саамских поселений. Сейчас все саамы живут чересполосно с русским населением. Общение на родном языке происходит в основном в этнически однородных семьях и в производственных коллективах (рыболовецких, оленеводческих, по обработке продукции оленеводства и др.). Длительное пребывание саамских детей в детских садах и интернатах приводит к забвению родного языка.

В настоящее время общественные функции саамского языка несколько расширяются. В начальных классах ведется преподавание родного языка, в детских садах функционируют группы саамского языка. Издается учебно-методическая литература. В Ловозере (наиболее крупный саамский населенный пункт) по местному радио, хотя и нерегулярно, идут передачи на саамском языке. Функционирует фольклорно-этнографический ансамбль “Ойяр”. Организован литературно-художественный кружок “Кяййн”.

ФОЛЬКЛОР, МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

ФОЛЬКЛОР

В фольклоре саамов ярко отразились их трудовая деятельность и бытовой уклад, мир народных идеалов, мыслей, чувств и поэтической фантазии, этническое самосознание народа.

Устное творчество кольских саамов изучено еще недостаточно, хотя первые записи фольклорных произведений сделаны уже в середине XIX в. Мало исследованы жанры саамских сказок и их художественные особенности, обойдены вниманием фольклористов пословицы, поговорки, загадки. Только музыка саамов, ввиду ее своеобразия, больше привлекала ученых.

Первые записи фольклора от кольских саамов сделаны финским ученым Д.Е.Д. Европеусом в 1856 г., во время его экспедиции по Карелии и западной части Кольского полуострова. От кочевавших в районе с. Кузомень (Терский берег) саамов он записал сказки из Иоканьги (20), Семиостровска (2) и Ловозера (1), а также 3 короткие песни: две в Нотозере, одну в Имандре. Записи саамских текстов Европеус делал на саамском языке в грубой латинской транскрипции.

Первые публикации фольклорных текстов кольских саамов принадлежат Арвиду Генетцу. В 1879 г. в венгерском журнале "Nyelvtudományi Közlemények" № 15 он опубликовал свой перевод Евангелия от Матфея на саамский язык и образцы фольклора трех диалектов кольских саамов (*Genetz*, 1879). В 1891 г. в Приложение к "Словарю кольских саамов" он включил 12 сказок на иоканьгском диалекте и по одной сказке на кильдинском и колттском диалектах (*Genetz*, 1891).

Зачинателем сбора и изучения фольклора саамов Кольского полуострова на русском языке по праву можно назвать видного беллетриста Вас. Ив. Немировича-Данченко. В конце XIX в. им был опубликован ряд работ, посвященных саамам. Так, в 1875 г. в "Известиях императорского Русского географического общества" был напечатан его отчет "О народной поэзии лопарей", в книгу "Страна холода" (1879 г.) вошли два саамских предания о чуде, а также песни саамов. Вас. Ив. Немировичем-Данченко было записано на русском языке более десятка саамских преданий и легенд. Образцы саамского фольклора были включены также в работы Н.Н. Харузина (*Харузин*, 1890), Д.Н. Островского (1889), К. Шеколдина (*Шеколдин*, 1890), В.Ю. Визе (*Визе*, 1911).

В 1931 г. Тойво Итконен, виднейший финский специалист по языку, духовной и материальной культуре и археологии саамов, издал сборник фольклорных и этнографических текстов саамов Кольского полуострова (*Itkonen T.I.*, 1931). Все тексты (за исключением образцов иоканьгского диалекта) были записаны им во время экспедиции. В сборник включены образцы диалекта финляндских саамов-колттов, а также тексты на кильдинском и иоканьгском диалектах. Эти тексты впервые были записаны и опубликованы на саамском языке (с переводом на финский язык). В жанровом отношении материал очень разнообразен: это и исторические предания о чуде и руках (см. С. 139), зооморфные и волшебные сказки. Т. Итконен усовершенствовал и уточнил транскрипцию Европеуса в соответствии со своими наблюдениями над иоканьгским диалектом, сделанными в 1914 г. Запись подлинных (не в переводе) саамских текстов давала возможность изучения и осмысления их художественных особенностей, а не только канвы сюжета.



Рис. 31. Сказительница Ирина Кузьминична Черных (1905 г.р.), пос. Ёна, 1972 г.
(архив Г.М. Керта)

Первое, наиболее полное собрание саамских сказок на русском языке, подготовленное А. Ермоловым, опубликовано в Мурманске в 1959 г. Наряду с уже ранее печатавшимися в разных изданиях сказками в сборник включены и сказки из архива Мурманского краеведческого музея, в свое время собранные краеведами В.К. Алымовым и Я.И. Комшиловым. Сказки распределены по тематическим рубрикам: “Исторические сказания”, “Сказки о животных и про охоту”, “Сказки, были, небылицы” и “Сказки о происхождении островов”. В сборнике, к сожалению, отсутствует справочный аппарат (где, когда, кем, от кого записаны тексты, источник, из которого взят тот или иной текст). В том же, 1959 г. в сборнике “Сказки народов Севера”, подготовленном М.Г. Воскобойниковым и Г.А. Меновщиковым, опубликовано семь саамских сказок.

В 1961 г. вышел первый отечественный сборник образцов кильдинского и иоканьгского диалекта саамского языка (*Керт*, 1961). Тексты были записаны специалистами по саамскому языку Г. Кертом, В. Гудковой-Сенкевич, а также студентами факультета народов Севера Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, саамками А. Антоновой, В. Железняковой и О. Матрехиной. Наряду с текстами этнографического и исторического содержания в сборнике представлены различные жанры сказок, отчасти современное песенное творчество (две русские песни, исполнявшиеся на саамском языке). Лингвистическая запись текстов позволяет исследовать не только собственно языковедческие вопросы, но и стилистические, и художественные особенности саамской речи.

Сбором саамского фольклора занимался известный этнограф В.В. Чернолуцкий (1894–1969). В 1936 г. по инициативе известного фольклориста профес-

сора Б.М. Соколова он был командирован фольклорной секцией Союза писателей СССР на Кольский полуостров специально для сбора фольклора саамов. Записанные в то время В.В. Чарнолуским на русском языке “Саамские сказки” были опубликованы только в 1962 г. Тематически сказки сборника разделены на три цикла “Найнас (Сказки и легенды о северном сиянии)”, “Мяндаш (Мифы и сказки о диком северном олене)” и сказки о таинственном существе Тала. В сборнике даны краткие сведения о сказителях, но отсутствуют комментарии к сказкам, а также паспортизация. Излишняя стилизация (“расцветивание”) саамских сказок на русский лад, нарушающая скупой стиль саамских сказок, а также неоправданные авторские сентенции несколько снижают достоверность исходного материала. В 1965 г. вышла книга В.В. Чарнолуцкого “Легенда об олене-человеке”, в 1972 г. – “В краю летучего камня”. В последней автор в форме путевых записок высказывает свои мысли о саамском фольклоре. В 1993 г. собранные им сказки были опубликованы на итальянском языке.

В 1980 г. в Мурманске вышел сборник “Саамские сказки” на русском языке, подготовленный Е.Я. Пацией. Составитель, критически оценив все публикации саамских сказок, включила в сборник 173 текста. Сказки тематически распределены на: 1) Героические и исторические сказания и сказки, 2) Волшебные сказки, 3) Тотемно-волшебные сказки о животных, 4) Бытовые сказки. Сборнику предпослано Введение “Сказки саамов Кольского края” с кратким изложением истории сбора и характера сказок. Несомненное достоинство сборника в наличии комментария, где даны сведения о собирателях, информантах, времени и местах записи каждой сказки и ее краткое содержание.

В 1985 г. в Финляндии Ю. Лехтиранта опубликовал собранные Э. Итконеном “Образцы речи кильдинского диалекта”. Саамские тексты в финно-угорской транскрипции записаны были Э. Итконеном от Максима Васильевича Антонова из поселка Шонгуй в 1943 г. и даны с переводом на немецкий язык. Вошедшие в работу сказки включают сказки о животных, приключенческие и шуточные сказки – всего 19 сказок и одна песня-йойка.

В 1988 г. в Петрозаводске вышел II том “Образцов саамской речи”, подготовленный Г.М. Кертом и П.М. Зайковым (*Керт, Зайков*, 1988). В него включен 51 текст фольклорного и этнографического содержания на бабинском и иоканьгском диалектах, данных в финно-угорской транскрипции с небольшими упрощениями.

Сказка (моайнас) – один из самых распространенных жанров устно-поэтического творчества саамов. Именно сказка скрашивала долгие вечера в дымных избушках-пыртах на зимних погостах. Рассказывались сказки и в летнее время, когда после многотрудной дневной работы саамы отдыхали в вежах и куваксах или просто на природе.

В пантеоне саамских сказок представлены все жанры. Классификация сказок по жанрам в известной мере условна, ибо в одной и той же сказке зачастую можно найти сочетание многих жанров. Правильнее говорить о сюжетах, мотивах в сказочном творчестве. Самые древние сюжеты сказок отражают мифологические представления саамов о Детях солнца, о Мяндаше – человеке-олене и злой волшебнице старухе Аадзь, о Найнасе – северном сиянии, о сейдах и злых духах, а также таинственном существе Тала (*Талла*) (в западных диалектах *Сталло*). В сказках о сейдах проявлялись анимистические взгляды саамов об одушевленности природы – камней, скал, деревьев, зооморфные – в сказках о животных. Объяснение происхождения окружающих вещей и явлений находят свое отражение в этиологических сюжетах. В сказке “Прекрасная Катерина” героиня, бросившись в воду, превращается в ската, ее игольник стал ей хвостом,

а бисер и бусы превратились в ракушки. Простые иголки стали песчинками, а граненые – мойвой. В этой же сказке старик превратился в торф, а старушка – в золу.

Рельефно выражены в сказках космогонические представления саамов о трехступенности (трехмерности) мира. Напомним, что этот сюжет представлен в рисунках на древних саамских бубнах.

Силам добра в сказках противостоят силы зла, воплощенные в *аадзь* – женщине-пауке, которая высасывает кровь, или женщине-лягушке. И добрая, и злая стороны наделены даром волшебства и владеют сверхъестественными силами.

Своеобразного колорита и прелести полны сказки о животных, наиболее частыми героями которых обычно являются медведь, лиса, волк, встречаются также и куница, песец, заяц, мышка. Хитрая лиса, как правило, выходит победительницей доверчивых животных: медведя, волка, зайца и др. Особенно устойчивы и распространены сюжеты о медведе-Талле. В одном из них рассказывается о незадачливом медведе-Талле, который собрал в мешок катавшихся с горы ребят и собирался их съесть. Однако ребята его перехитрили и сбежали. От огорчения он заплакал, а слезы превратились в смолу. В другой сказке повествуется о его неудачной попытке жениться на трех сестрах. Во всех сказках о животных герои наделены образом мыслей и поступками людей.

В сказках о животных проявляются следы древних верований, почитания животных как тотемов. У саамов, по всей видимости, к ним относились олень, ворон, лебедь, медведь, возможно, тюлень. В этом отношении они сближаются со сказками других народностей Севера. Для сравнения можно отметить, что у нанайцев таким животным является тигр, у нивхов – медведь и т.п.

Широко представлены бытовые сказки. В них рассказывается о необычных ситуациях, в которые попадают их герои. И, конечно, как и сказки других жанров, они наполнены юмором, а иногда и сатирой.

Длительное проживание саамов рядом с русскими не могло не сказаться на саамской сказочной традиции. Влияние русской сказки проявляется прежде всего в сюжетах. Так, распространенная у саамов сказка “О попе и его работнике” – явно русского происхождения. Встречаются вследствие заимствований и курьезы. Герой восточной сказки “Али-баба и сорок разбойников”, пришедший через русскую традицию, у саамов в результате дословного понимания имени (Али-баба) превратился в женщину. Персонажами ряда саамских сказок выступают такие заимствованные персонажи, как “принц”, “Иван-царевич” и др. Есть сказки о конкретных исторических личностях, например, о Петре Великом. Причем во всех этих сказках “антураж” сохраняется саамский. Жилье у разбойников – соратников Али-бабы – это каменная, но саамская вежа. Детали быта в русских сказках зачастую саамские. Например, в заимствованной у русских сказке “Чертенюк” атрибуты, связанные с варкой мяса, – саамские. Русские и саамские реалии быта в сказках причудливо переплетаются.

Интересно, что в текстах сказок и по настоящее время сохранились песенные вкрапления. В этом плане характерна сказка “Про ворона, тюленя и дикого оленя” (*Керт*, 1961. С. 158). В ней повествуется о том, что у старика три дочери вышли замуж: старшая за ворона, средняя за тюленя и младшая за дикого оленя. При посещении стариком дочерей внуки встречают его возгласами-песней (исполняют песню-йойку или *лувту*). Дети старшей дочери, вышедшей за ворона, поют: “Кронк, кронк, кронк, дедушка идет”; дети средней дочери, вышедшей за тюленя: “Хурьк, хурьк, хурьк, дедушка идет”, а младшей дочери: “Хонкэр, хонкэр, хонкэр, дедушка идет”. В сказке “Гриб” (сборник А. Ермолова) лисица поет: “Калазай – акай – пырр-пырр-пырр... Такта – шарк-шарк-

шарк” (букв. старичок – старушка – кругом-кругом-кругом... косточки – шарк-шарк-шарк). Возможно, эти оноματοпоэтические (звукоподражательные) слова представляли собой заклинания, а рассказывание таких сказок имело ритуальное значение.

Характерным художественным приемом в саамских сказках служит метафора. Так, мать оленя Мяндаша дает наказ своему сыну: «Не бойся, сыночек, того, кто “черен мехом шкуры” (т.е. медведь), но берегись “из щели кишки стерегущего” (волк) и “из-за дерева и камня краснеющего – красноликого” (человек)» (Саамские сказки, 1962. С. 92). Медведя зачастую называют “мой братец” или “мой дедушка”.

При некоторой экономии выразительных средств, в частности – в сказках, сравнительно мало эпитетов, для саамских сказок характерно быстрое и энергичное развертывание сюжета, изобилующего острыми ситуациями. Степень экспрессии, интенсивности действия передается неоднократным повторением глагола: в сказке, герой которой очень долго шел, глагол ‘идти’ повторяется иногда до пяти раз.

Большое место в традиции саамов занимают исторические *предания* (так называемая “историческая память”). В них повествуется о героической борьбе саамов с иноземными захватчиками. Предводитель саамов – храбрый, сильный и благородный герой Ляйн отважно сражается с врагами; другим персонажем таких сказаний выступает герой по имени Нял (*нялл* – песок). Врагами саамов выступают либо чужь, либо руц. Причем, под чужью понимались враги вообще, а руцы – это, по всей вероятности, скандинавские завоеватели (руцы – шведы). Во главе вражеских отрядов стояли хитрые и коварные Чудечуервь (“Сторогий”) и Чуэтахкэм (“Имеющий силу ста женщин”). Герои и антигерои схваток персонализированы.

Характерно, что в борьбе с врагами саамы используют не только хитрость, смекалку, но и волшебные чары. Так, хитроумные саамки вызвались постирать окровавленные одежды чуди и опустили их в прорубь, отчего враги замерзли. Хитрый саам, узнав о приближении ста руцов к погосту, предлагает каждому из них кережку и затем спускает всю райду с обрыва, и все руцы погибают. Наиболее часто встречаются мотивы напускания саамскими колдунами на врагов бури, пурги, а также превращения их в камни.

Большинство сюжетов борьбы с захватчиками локализовано на местности. Так, хитрый саам, уничтоживший по легенде отряд руцов, жил в Кордэгсыйте (с. Воронье). В другом случае сообщается, что “Проходили шведы через Нотозеро на Тулому, направляясь в Ноту. На Туломе у Падуна жил один саам”. Зачастую современное географическое название связывается с каким-либо преданием. Так, рассказывается, что саамская девушка Мазя напустила чары на плывущих по озеру 40 шведов и в результате большой трехдневной бури шведы окаменели. Образовавшийся новый остров стали называть Руцсуэлл (“Шведский остров”).

Пословицы, поговорки, загадки, приметы – наименее исследованный жанр саамского фольклора. Существует лишь одно специальное издание поговорок и загадок норвежского ученого Ю. Квигстада (*Qvigstad*, 1992).

Т. Итконен опубликовал в упомянутом сборнике (*Itkonen T.I.*, 1931. S. 145–161) пословицы, поговорки, приметы и др., собранные в населенном пункте Патсйоки (колттский диалект). Переводы пословиц, поговорок и пр. на финский язык помещены также в его фундаментальной работе “Финские лопари” (*Itkonen T.I.*, 1948. II. S. 568–579). К сожалению, российские ученые не занимались сбором и исследованием этого вида устно-поэтического творчества саамов.

Йойки – один из древнейших жанров устно-поэтического творчества саамов. Это песни-импровизации, они не имеют четко зафиксированных слов, а только определенный сюжет, на который исполняется песня. Своеобразие этого вида песенного творчества заключается в манере пения, в частности – наличии горлового вибрато, сопровождаемого рефреном *нун нун нуу, лул лул луу, лал лал лаа, лоо лоло лоо, войя войя* и т.д. Венгерский музыковед Ласло Галди и финский исследователь музыки А.О. Вьяйсянен находят аналоги йойкам саамов в мотивах обско-угорских (ханты, манси) и самодийских народов (Kirjoittamaton kirjallisuus. I. 1963. S. 528). Для обозначения этого вида пения во всех саамских диалектах существует термин *juokat* – ‘петь йойки’, букв. ‘йойкать’. В кольско-саамских диалектах этот термин в настоящее время уже не встречается, вместо него употребляется слово *луввтэ (liivte, levte)* – означающее ‘петь в саамской манере’. Словом *лаввлэ* – ‘петь’ обозначаются рифмованные песни, частушки. У шведских саамов для пения йоек употребляется также слово *vuolle* (соответствующее финскому *vala* – ‘клятва, присяга’; мордовскому *val* – ‘слово’).

Исследованию йоек посвящены монографии Армаса Лауниса (*Launis*, 1908), Харальда Грундстрёма (музыкальная обработка А.О. Вьяйсянена) (*Grundström*, 1958) и труд Самули Айкио, Иштвана Кечкемети и Золтана Кишша (*Aikio, Kecskeméti, Kiss*, 1973). Об этих нерифмованных песнях-импровизациях музыковед М. Чулаки писал: “Саамские песни полны своеобразной прелести и динамичности. Они настолько живы и расцвечены исполнительски, что вызывают самый непосредственный интерес. Удивления достойна также музыкальность саамского народа... Саамы поют чрезвычайно много. Всякий сколько-нибудь значительный повод вызывает к жизни если не развитую песню-импровизацию, то единичный рассказ в манере аморфного опевания. Так, старик может часами петь своей старухе о том, как хорошо он с ней прожил жизнь; в свою очередь и старуха отвечает ему тем же... Пастух поет об оленях, которых стережет от волков... Создаются песни шуточные, юмористические – на основе подлинных фактов, хотя и сильно приукрашенные...” (Чулаки, 1940. С. 116–117).

Темой, содержанием йоек для исполнителя служит все, что его окружает, – ландшафт, фауна, флора. В импровизациях выражены мысли, чувства, настроения певца, в них слышатся шум водопада, завывание волка, карканье ворона, щебетание птиц. В прошлом саамы сочиняли йойки и про свои божества – сейды. Из животного мира наиболее почитаемы в йойках были олень и его злейший враг – волк. О медведе иногда сочиняли шуточные йойки, в них часто упоминаются лосось и щука. Однако центральной темой в йойках был человек, его судьба, повседневные заботы. Некоторые ученые различают в йойках темы пастушеские, любовные, сватовства, свадьбы, разлуки и др. Н. Харузин отметил у саамов-колттов лирические импровизации, которые молодые люди исполняли в честь своих избранниц (Kirjoittamaton kirjallisuus, 1963. S. 538).

Существует ряд запретов и ограничений на сочинение и пение йоек. Так, запрещается сочинять йойки о самом себе. Однако, если йойка была сочинена кем-либо другим, то ее можно исполнять и самому. Не полагалось сочинять йойки о покойниках, но можно было исполнять йойки, которые пели о нем еще при жизни. О детях йойкали лишь с того времени, когда они начинали ходить в школу. Если человек очень беден, о нем также не йойкали. Женщине запрещалось исполнять йойки о медведе (*Itkonen T.I.*, 1948. II. S. 561–562).

Йойки исполняют большей частью индивидуально. Нередки случаи, когда мелодию ведущего (лучшего исполнителя) подхватывают другие. Йойки можно слышать во время поездок на райдах по тундре, их поют в такт гребле на лод-

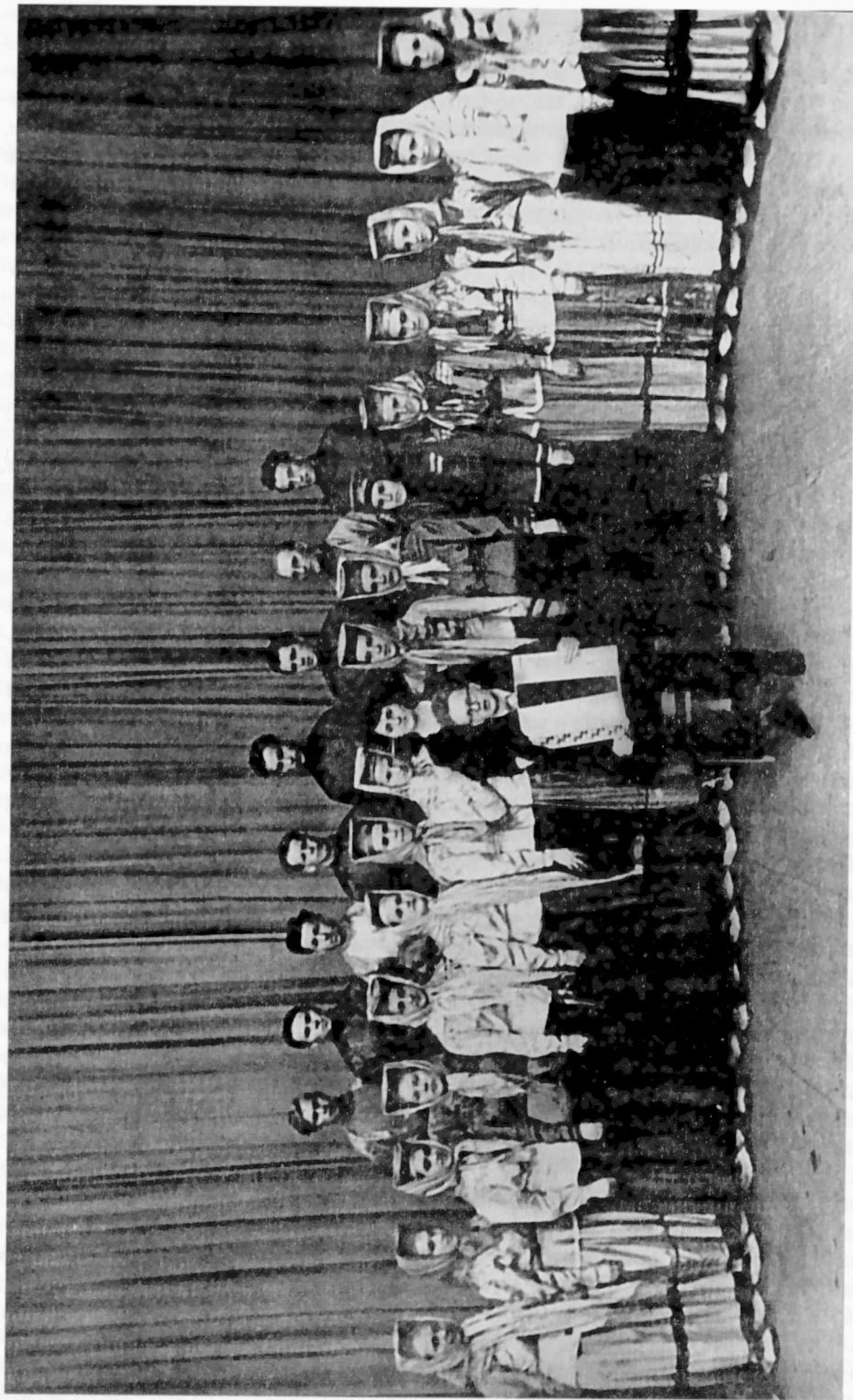


Рис. 32. Саамский народный хор, с. Ловозеро, 1971 г. (архив Г.М. Керга)



Рис. 33. Федосья Михайловна Мошникова (1910 г.р.), пос. Ёна, 1972 г.
(архив Г.М. Керта)

ках, просто сидя в избах, вежах, куваксах. Если в сказках в большей степени отражается социальный, общественный мир саамов, его история, то в йойках ярко выражен внутренний мир человека, его переживания, чувства.

Музыкальная сторона саамских народных песен Кольского полуострова, т.е. лады, модуляции, ладовая система, мелодика, музыкальная драматургия, ритмика и пр., профессионально изложена в монографии И. Травиной «Саамские народные песни» (Травина, 1987).

У саамов бытуют также рифмованные песни и частушки. В 1950-е годы в с. Ловозеро был организован саамский народный хор. В репертуаре хора основное место занимают саамские песни. Помимо русских народных песен, на саамском языке исполняются также те, которые ведущие солисты хора сочинили сами с учетом саамских реалий и традиций. Народный хор получил признание не только в Ловозере и в Мурманской области. Хор выступал по Центральному телевидению, с успехом гастролировал в Финляндии, Норвегии, Швеции.

В настоящее время основным музыкальным инструментом саамов служит гармонь. Вместе с тем восстанавливаются традиционные саамские музыкальные инструменты – завывалка (*наввът*), жужжалка (*хоуфф*), деревянные колоушки и др. Завывалка – деревянная, выструганная, определенной формы пластинка, к которой привязана нитка. С ее помощью пластинке придается вращательное движение, и она издает звук, похожий на завывание ветра (Киселев, Киселева, 1987. С. 169). В 1985 г. в с. Ловозеро был организован фольклорно-этнографический ансамбль «Ойяр», в репертуаре которого как народные саамские песни, так и танцы.

Фирма звукозаписи “Мелодия” в 1977 г. записала на пластинки восемь саамских народных песен в исполнении П.И. Коньковой (Ловозеро) и А.И. Герасимовой (Пулозеро). В 1987 г. была выпущена пластинка этой же фирмы с записями 23 народных песен на всех диалектах саамского языка Кольского полуострова – кильдинском (исполнительницы П.И. Конькова, А.А. Пелькина, М.А. Антонова, А.Т. Фефелова и др.), бабинского (исп. Ф.М. Мошникова, Ф.Р. Серьгин), туломского (исполнительницы А.И. Герасимова, А.И. Мошникова и др.), иоканьгского (исполнители Г.А. Друженьков, Е.А. Горбунцова, В.Д. Захарова, А.А. Савельева).

И в наши дни среди саамов насчитывается не один десяток замечательных исполнителей оригинальных саамских песен.

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Музыкальная культура саамов издавна привлекала внимание ученых, этнографов, музыкантов. Причиной этого была необычайная музыкальная одаренность народа, создавшего яркое, увлекательное и во многом уникальное музыкальное искусство.

О музыкальной одаренности саамов не раз писали русские и зарубежные исследователи. “Лопарь любит петь и поет почти всегда, где только ему не мешает работа или суеверный страх перед божеством. Но при рыбной ловле, при охоте, при домашней работе, в кёгорах, во время своих путешествий он любит петь и поет”, – писал Н.Н. Харузин (*Харузин*, 1890. С. 375).

Характерна запись Вас. Ив. Немировича-Данченко, сделанная в поездке по оз. Имандра: “Лопарка, сидевшая против меня за веслами, запела, сначала тихо, про себя, а потом и громче... Звуки были чрезвычайно оригинальные. Гортанные, тихие, но в высшей степени монотонные, они не лишены были своеобразной прелести” (*Немирович-Данченко*. 1887. С. 197).

О феноменальной памяти певцов-саамов писал в свое время финский ученый А. Лаунис, отмечавший, что исполнители саамских народных песен хранят в своей памяти от 50 до 250 мелодий, как своих, так и из отдаленных мест (*Launis*, 1908).

Музыкальная культура саамов – одна из древнейших в ряду культур народов Севера. Народная музыка саамов Кольского полуострова представлена преимущественно произведениями песенного творчества. Самобытные музыкальные инструменты, по-видимому, утеряны. Имеются, однако, сведения о наличии у кольских саамов в XVII в. бубна и однострунного смычкового инструмента, обнаруженного в последнее время И.А. Богдановым.

Характерной чертой саамских народных песен служит наличие в них лейтмотивов, о чем в свое время писали Т. Лехтисало (*Lehtisalo*, 1936–1937) и К. Тирен (*Tirén*, 1941). Лейтмотивы четко соотносятся с появлением в тексте песен определенных слов, которые составляют параллельную разговорному языку лексику музыкального языка саамов. Лейтмотивы – это музыкальные символы-рисунки гор, рек, озер и т.д. К ним же относятся темы тундры, бега оленей, олень-быков, человека, ловли рыбы и др.

Саамские народные песни исполняются обычно в очень быстром темпе. В них ярко выражена стихия движения – бег оленей, колебание волн или движение иглы в руках шьющего. Хорошие певцы прекрасно владеют приемами подражания в музыке голосам птиц, людей, о которых сочиняют свои песни. Многие песни исполняются с юмором. Так, в песне “Ущ Егра” (“Маленький Егор”) поется о незадачливом пастухе Егоре, который не смог найти дорогу в тундре и после восьми часов блужданий приехал на то же место, откуда выехал.

Большое место в песенном творчестве саамов занимает тема, основанная на звукоподражании бегу оленей, встречаемая и в эвенкийских народных песнях. Это универсальный элемент музыкального языка народов Севера и Сибири. Продолжая мысль, высказанную Р. Граффом о том, что музыкальный “язык саамов интернационален для всей скандинавской Лапландии” (Graff, 1954. S. 29), можно предположить, что отдельные элементы этого музыкального языка распространены и за ее пределами. Шведский ученый Э. Эмсхаймер писал: “Музыка саамов заслуживает особого внимания, так как содержит элементы, принесенные с их первоначальной родины” (Emsheimer, 1947).

ЛИТЕРАТУРА

Национальная литература появляется у народа с созданием письменности. В истоках младописьменной национальной литературы, как правило, заложена “неписанная литература”, т.е. фольклор. Как и в фольклоре, в саамской литературе отражается природа Севера, добрая и опасная для человека. Саам чувствовал свое гармоничное единство с ней, что проявилось в традиционной религии, верованиях, обычаях, поведении. Все это нашло отражение и в литературе. Конечно, не могли остаться вне литературы и думы и чаяния о добре и зле, воспоминания о прошлой жизни, весь жизненный и эстетический опыт народа. Среди литератур малочисленных народностей Севера саамская – самая молодая.

Зачинатель саамской литературы – Октябринна Владимировна Воронова (урожд. Матрехина) родилась в 1934 г. в семье потомственного оленевода. С детских лет от своей бабушки она слышала сказки, песни, предания, легенды. Еще будучи студенткой факультета народов Севера Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, она проявляла неподдельный интерес к языку своего народа, к его фольклору. Вместе с другими студентами саамами она выезжала в организованные Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР лингвистические экспедиции на Кольский полуостров. В родном с. Чальмны-Варрэ ею были записаны самобытные сказки (Керт, 1961).

В 1971 г. в сборнике “Прибалтийско-финское языкознание”, посвященном 80-летию со дня рождения Д.В. Бубриха, появился поэтический перевод-обработка на саамский язык “Сказки о рыбаке и рыбке” А.С. Пушкина. Он был сделан О. Вороновой совместно с матерью Клавдией Матрехиной и сестрой Тамарой Матрехиной. Ниже дан отрывок ее саамского текста и подстрочный русский перевод:

Еллинг чуйвис миеррындасьт
Каллызай я акай выэмме коадасьт
Чацки акай сайгит – шардий,
Каллызай кылить кирти – ёрдий.
Ныть сыйй еллинг соагесьт агесь
Коллог коллм йиге омпяны.

Чиэвресь жыэлет поластман цоннкмынь,
Пылльке пыэвынихк оайвасьт тьялж,
Чабпесьт каджиетьк ниэллекьердинь
Кульгийдев, выэйве выэлас тиеньтев,
Колльтэ сырмызить кидты цоннкмынь,
Ушшэ чиээнэрыэч саххпый рошкев.
Лаккала я кажихь тасьт ёррыв,
Сонц синт вадтымэнь вадт, паррк.

Жили на берегу синего моря
Старик и старуха в старой веже.
Пряла-жужжала шерсть старуха.
Старик рыбу ловил – гремел.
Так они жили в любви век свой
Тридцать три года полностью.

Выдровый жилет натянула, застегнула,
Блестящий убор на голове торчит,
На шею бусы в четыре ряда
Болтаются, голову вниз тянут,
Золотые перстни на руку натянуты,
Как гусиные лапы, сапоги краснеют.
Слуги и служанки тут крутятся.
Она их боем бьет, треплет.

Так в переложение сюжета сказки были тонко вплетены детали и колорит саамского быта. И все это подано с тонким юмором. Саамский вариант сказки приобрел самостоятельную художественную ценность.

В 1986 г. вышел первый сборник стихов О. Вороновой "Снежница". Ее поэзии присущ тонкий лиризм, она посвящает суровой красоте родного Севера глубоко прочувствованные лирические строки:

Тундра моя – моя жизнь и любовь навсегда.
Сколько вершин у тебя, словно скатерти, ровных,
Как хорошо здесь, у неба! Да только сюда
Труден подъем среди скал и ущелий огромных.

Для О. Вороновой Север – не край экстремальных условий, тяжелой борьбы за существование, а Родина, с ее особой неяркой красотой. Так писать о Севере может только человек, бесконечно влюбленный в свой край, в свою природу.

Фольклорные мотивы буквально пронизывают поэзию О. Вороновой. Особенно рельефно они проявляются в стихотворении "Чахля" о маленьких гномах, живущих в корнях деревьев. Говоря о самом сокровенном, поэтесса вызывает ответные чувства в душе читателя, и в этом сила ее поэтического дара.

Хорошо зная жизнь и быт своего народа, она поднимает и важные социальные проблемы. Так, в стихотворении, рассказывающем о судьбе пастуха Егора, она пишет:

Связать бы все пути, что вместе с ветром
Прошел он через топи валуны, –
Наверняка бы этих километров
Хватило от Земли и до Луны.

Но если бы когда его спросила:
"Чем счастлив ты? Признайся до конца!"
Сказал бы: "Пастухом стал сын Василий,
Не изменил призванию отца!"

Вслед за первым сборником вышли сборники ее стихов в Москве "Вольная птица" (1987 г.) и в Мурманске "Хочу остаться на земле" (1995 г.). Особо следует отметить вышедшую в 1989 г. в Мурманске первую на иоканьгском диалекте саамского языка поэтическую книгу с переводом на русский "Ялла" ("Жизнь"). Рассказ о поэтическом мастерстве О. Вороновой был бы не полон без упоминания о переводчице В. Смирнове, бережно донесшем до русского читателя своеобразие саамской поэзии.

Яркий самобытный талант О. Вороновой завершился внезапно на взлете ее творчества. Первая саамская поэтесса, пишущая на родном языке, член Союза писателей СССР Октябрина Владимировна Воронова закончила свой жизненный путь 18 июня 1990 г. в пос. Ревда Мурманской области. Собратья по перу – мурманские писатели – в некрологе "Памяти товарища" писали: "Среди двенадцати мурманских писателей Воронова была не только первой саами, но и вообще первой писательницей-женщиной. Можно с уверенностью сказать, что книги ее будут жить долго". Как свет угасшей звезды, на страницах журнала "Север" (1993. № 3) появилась подборка ее ранее не опубликованных стихов "Отчий край, Ловозерье". В них она продолжает тему красоты родного края, любви к своей "малой родине".

Почти одновременно с О. Вороновой в саамскую поэзию пришел Аскольд Бажанов, потомок саама-оленевода из с. Нотозеро. Он был, как и она, студентом факультета народов Севера, затем учился в Литературном институте им. А.М. Горького. В настоящее время живет в пос. Ревда Мурманской области. Стихи его на русском языке публиковались в районных, областных и республиканских газетах и журналах, в коллективных сборниках; песни на слова А. Ба-

жанова в исполнении Ловозерского хора звучали по Всесоюзному и областному радио. В 1983 г. в Мурманске вышел его сборник "Солнце над тундрой". Поэзия А. Бажанова проникнута знанием народной жизни – идет ли речь о нелегкой работе пастуха в тундре или о своеобразии быта саамов, их идеалах, морали и нравственности, красоте суровой природы Севера.

Характерная особенность поэзии А. Бажанова – отстаивание высокого чувства собственного достоинства саамского народа. И хотя А. Бажанов пишет стихи на русском языке, в каждой строке его стихотворений чувствуется колорит жизни и быта саамов.

С воссозданием саамской письменности в Ловозере организовалось первое саамское литературное объединение (1986 г.), принявшее символическое название "Кяййи" ("Путь"). В его состав вошли А. Бажанов, О. Воронова, Ф. Клещева, П. Конькова, Е. Коркина, М. Медведева.

Началось изучение родного языка в школах. В Мурманском книжном издательстве в 1991 г. были изданы книжки для детей И. Виноградовой "Мун Канџ" ("Мои друзья"), Э. Галкиной "Пеййвесь пеййв" ("Солнечный день"), Е.Н. Коркиной "Чуррпа-уррпа", коллективный сборник стихов и рассказов "Пудзъенч" ("Олешек").